

Текст · 17 мая 2019, 09:29

Анастасия Ясеницкая,

«Следователь — это придаток к печатной машинке». Монолог бывшего оперативника ФСБ

Отставной сотрудник ФСБ на условиях анонимности рассказывает «Медиазоне» о работе на Кавказе и отношениях между оперативниками и следствием, рассуждает об уголовном преследовании ученых за госизмену, объясняет, почему пытки — это метод дилетантов, и не верит в недовольство общества спецслужбой.

На службу в управление я попал без всякой протекции, без всяких денег. Потому что сейчас, например, в некоторых управлениях, чтобы тебя поставили на очередь и в перспективе прапорщиком, некоторые «гелендваген» пригоняют и ключи отдают. Ну, коррупция везде, в принципе, в том числе и на кадровом направлении. Ну и все, прошел входной контроль и начал работать оперативником. Через несколько лет я поехал на Кавказ.

ФСБ сегодня

На мой взгляд, сейчас ушли специалисты — прослойка, у которой были определенные принципы, порядочность, квалификация, позволяющая собрать материалы, грамотно их оценить и предоставить следствию, а потом в суд. Это были профессионалы уровнем примерно от майора до подполковника,

которым было интересно, у которых глаза горят. Когда человек реально работает, а не руководит.

Выше люди уже не станут заморачиваться, чтобы какому-то лейтенанту объяснять, тратить время на него. Поэтому молодые лейтенанты оказались перед пропастью: кто-то не хотел передавать опыт, кто-то не успел, кто-то не смог, кому-то не дали. Прервалась преемственность, потому что люди, которые знали, как надо и как правильно, резко начали уходить.

Кто-то сам решил, например, потому что уходить тоже надо вовремя. Сейчас зовут в службу безопасности «Роснефти» на 300 тысяч зарплату. Ну, посидишь ты еще на своей должности два-три года, пять лет, хорошо. Будешь ты полковником, будет у тебя сорок тысяч пенсия. Только 45-летний бывший сотрудник может уже никому не пригодиться. Пока зовут, надо идти. Поэтому часть профессионалов просто ушла в нефть, «Газпром» и другие структуры. Размер выплаченного Родине долга каждый сам для себя устанавливает.

А те, кто остались, они многими вещами не владеют из-за отсутствия квалификации. Профессионалом нельзя прийти, профессионалом можно стать. А если тебя никто не может поставить на истинный путь, ты идешь по пути наименьшего сопротивления. Как вода. А путь наименьшего сопротивления — это, например, особый порядок.

Зачем тратить полгода, свое здоровье, глаза на анализ, обработку и передачу материалов в следствие, если можно просто выехать на особом порядке без исследования доказательств — и приговор будет

в любом случае (при особом порядке человек полностью признает вину, а суд не исследует доказательства и определяет только вид и срок наказания — МЗ)? Зачем рисковать, зачем зря напрягаться? Смотрите, какой сейчас процент особых порядков. Раньше очень редко кто-то брал его. Нет, приходилось все доказывать, нас вызывали в качестве свидетелей. Заседания, обычный процесс, состязательность.

Понятно, что никакого равенства сторон в суде в принципе быть не может. Когда ты судишься с государством, конечно, государство доминирует. Только на бумаге все равны. Но все равно судьи относились критически в том числе и к нашим материалам, поэтому приходилось такую подготовку проводить, чтобы не приходилось потом в суде краснеть и перед прокурором бекать и мекать на вопросы: «Это что это вы вообще предоставили? Это что такое?». Материалы, расшифровки, экспертизы — надо, чтобы все было на уровне. А сейчас какие бы ты ошибки ни допускал, их никто не исследует, поэтому и тебе все равно.

Работа со следствием

Следователь — это придаток к печатной машинке. Он ничего не раскрывает, а просто документирует то, что добыл оперативник. Он даже не принимает решения. В основном, именно оперативный сотрудник инициирует возбуждение дела и даже диктует следователю, в каком направлении двигаться, на чем настаивать, за какие струны дергать. Потому что можно описать роль человека одним образом,

а можно немного под другим углом — и результат будет совершенно другой. Смотря в чем сотрудник заинтересован.

Задача оперативника: добыть, найти и предоставить [информацию] — принести в клювике следователю. Следователь только в фильмах что-то раскрывает. На самом деле он сидит на месте, выезжает только когда его опера берут за шкирку, садят в машину и едут, а он там пишет протокол. Потом он, так же печатной машинкой работая, отправляет протоколы допросов, опросов и так далее. Но рядом стоит опер и говорит: «Задавай вот этот вопрос, может, нужно вот это выяснить». Следователи это оформляют в процессуальный вид, который потом можно будет передать дальше в прокуратуру и в суд. Через следователя легализуются оперативники. Все.

У меня не складывается впечатления, что [в последнее время] ФСБ стала забирать себе больше дел. А зачем? Если принято решение, что нужно материалы реализовать возбуждением в отношении вот этого человека, следователя просто вызовут и скажут: «Возбуждай». Он ничего не решает — неважно, СК это или не СК. Чье ведомство расследует, на самом деле, вообще неважно. Главное — чьи материалы. Кто работал изначально, кто заинтересован в их реализации. Ход дела все равно контролируется, оперативные мероприятия продолжаются, просто они перешли в стадию сопровождения.

Реализация материала должна быть любым приговором: штраф, условка, неважно. Нигде не прописано, что сотрудники должны хотеть крови и должны по максимуму человека закатать. Достаточно

пресечь. Читайте закон «О ФСБ»: пресечь, пресечь, пресечь. Ну все, ты пресек. Но сейчас другое отношение, сейчас хотят по максимуму почему-то.

Раньше не было принципа закрыть на максимальный срок. Потом пришло, что чем больше реального срока, тем лучше. На самом деле это ни на чем не отражается. Важно, что есть приговор — значит, ты работал не зря. Не зря тратил свое время, ресурсы. Если приговор оправдательный — чего не бывает — то значит, ты что-то сделал не так. Тебя за это накажут.

Дела против сотрудников

Это заблуждение, что фейсы реже заезжают. Нет, только в путь. Просто их численность меньше. Сажают меньше, потому что кадровый состав в принципе меньше. Ну, сколько у нас в полиции сотрудников? Сотни тысяч? Значит, больше совершают и больше сажают. А ФСБ популяция небольшая, вот и все.

И по 286-й статье (превышение должностных полномочий, часть 3 — с применением насилия — МЗ) сажают. Мотивы просто разные. Если человек неугоден, то к нему может быть повышенное внимание. У него больше шансов заехать, чем у того, к кому хорошее отношение. Обычно те, кто поссорились с руководством, либо уволены, либо заехали. Но нельзя сказать, что если ты поссорился, то обязательно заедешь. У каждого своя ситуация.

Но 286-я, наверное, редкость. Если человек оказывает какое-то физическое воздействие, он может заехать, а может не заехать. Все-таки есть конкретные

ситуации. Но про то, что прямо 100% ты не заедешь, нет такого. Да, больше попадают взятки, мошенничество.

Кто-то просто потерял ощущение реальности, начал деньги брать. Кто-то за госконтракты с коммерческой структуры просил денег. Мол, поспособствую заключению госконтракта, вы вот мне с него два процента. Раз, попал в поле зрения, реализовали материалы — все, приехал. Все как у всех. То, что ФСБ — это неприкосновенный орган, я бы так не сказал. Судьи вот неприкосновенные, да, а остальные — нет.

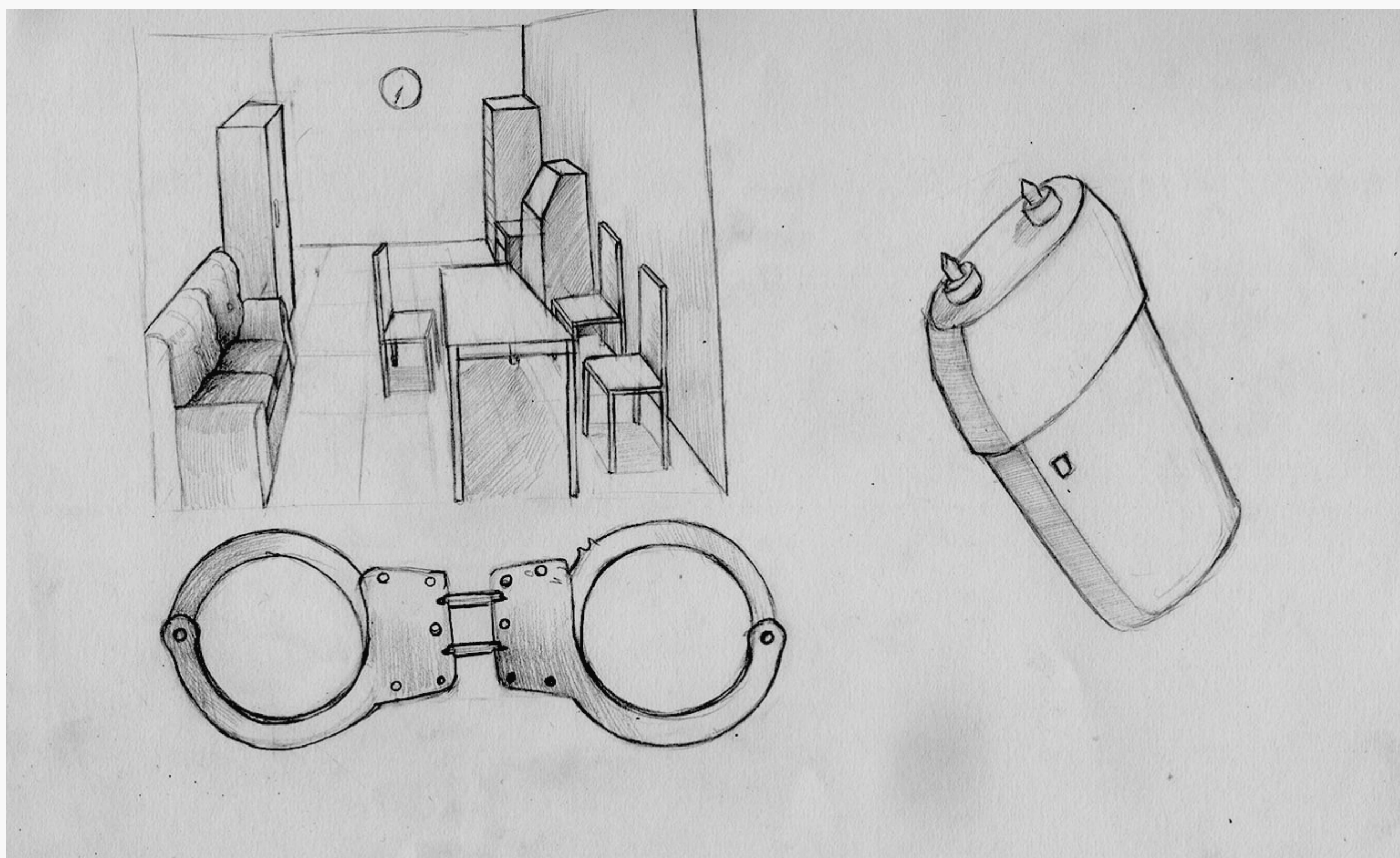
Терроризм и пытки

Пытки — это вообще никогда не допустимо. Да и зачем тебе вообще применять силу, если ты задержал человека обоснованно, на основании своих материалов? Ты знаешь, что завтра будет возбуждено уголовное дело и у тебя есть все-все документы, подтверждающие противоправную деятельность. Так зачем его бить-то, если можно положить на край стола доказательную базу: «Смотри, друг. Вот тебя приняли, да, ты уже понял, за что». Человек говорит: «Да, понял» — «Ну вот, смотри, на тебе». Пролистал. «Ну, а что будем делать?» — «Ну, признаваться». А может, и не признаваться, но на него все есть. От того, что ты надаешь ему по голове, у тебя материала в папке не прибавится. Прибавится проблем, если его в СИЗО не примут, потому что есть какие-то повреждения. Это лишняя головная боль.

Да, если к человеку заходишь в адрес, а он на тебя как бы... оказывает тебе сопротивление, то понятно, что спецназ сразу пресекает. Но это просто силовое

воздействие с целью удержания и конвоирования до кабинета в пределах допустимого. То есть никто не будет ему глаза выдавливать, просто руки сведут сзади и приведут, куда нужно.

Вот это «Новое величие» (вероятно, здесь собеседник «Медиазоны» имеет в виду дело «Сети», обвиняемые по которому рассказывали о пытках — МЗ). Все там якобы избиты током. Первое, о чем это говорит — это то, что оперативники не смогли закрепить, собрать доказательную базу, как они должны были это сделать. Они пошли по пути наименьшего сопротивления и решили выбить показания. Ну, наверное. Давайте говорить «наверное», мы же там не были. Но, выбивая показания, они оставили следы. То есть они и с этой стороны слабы. Если ты что-то делаешь, делай это так, чтобы не осталось следов. Грубо говоря, чтобы человек потом сказал тем же правозащитникам: «Да меня вот там били» — «Ну, давайте, посмотрим, где». А на нем ничего нет.

«Ты пойми, офицеры ФСБ всегда добиваются своих целей!» Антифашист Виктор Филинков

рассказывает о первых сутках после задержания

То есть если ты настолько тупо — бам током! бам электрошоком! два ожога с этой стороны, с этой — это значит, что люди вообще безголовые. То есть они не смогли сделать это не то, что как профессионалы — задокументировать всю имеющуюся якобы противоправную и непротивоправную деятельность — но они даже не смогли незаконную деятельность сделать грамотно.

Суд тоже скажет, что, нет, никто никого не бил. Почему так делают? Ну, чувствуют безнаказанность. Потому что иначе не могут, видимо. С чем-то в суд надо идти, надо идти с показаниями, показания просто так никто давать не будет, значит, надо бить. С учетом того, что прокуратура и суды на стороне сотрудников, значит, ничего не будет. Раз ничего не будет — безнаказанность. Безнаказанность порождает вседозволенность.

Что касается противодействия терроризму... Это вопрос сложный, очень философский. И если преподнести этот вопрос как-то по-особенному, то вы сами скажете: «Да, это допустимо, конечно же, используйте».

Ну, приведу пример. Готовится где-то теракт, очень-очень мощный, очень большая группа, будет много жертв, в центре Москвы на Красной площади. Есть неточная или, может, та информация, которую нельзя использовать, что вот этот человек

располагает информацией о всех участниках, о том, где будет совершено нападение. Эта информация поможет предотвратить многотысячные жертвы. Разговорить его можно только силовым путем. Вот вы стоите рядом, вот стоит сотрудник, который может применить насилие к этому человеку. Если он не заговорит, а он не заговорит, если не применять физическую силу, то погибнут люди, может, не дай Бог, ваши родственники, может быть, вы.

Вот вы стоите рядом. Вы его совесть, выделенная на этот момент. Что вы скажете сотруднику? Что вы решите? Пожертвовать людьми? Что вы скажете? Бей? В общем, очень просто судить людей, вот, они его избили, но вы бы как сделали? Кого вы осудите? Того, кто спас тысячу людей, или не спас их. А судить очень просто, да, он его избил. Ну, вы оцените его как-то по-другому. Если посмотреть определенным образом, то любой скажет, что это допустимо.

Иллюстрация: Наталья Гаврилова / Медиазона

Шпионаж и госизмена

Поймать шпиона — дело непростое. Для этого нужно определенное везенье, потому что нам противостояли очень высокие профессионалы. Друзей у нас нет. У каких-то стран просто мощный аппарат, уровень подготовки внештатных [сотрудников], большая история и потенциал, накопленный опыт. Соединенные Штаты, Китай, Германия, Великобритания. Кто-то больше пытается откусить от нашего, кто-то меньше, но хотят все. Даже тот, кто по бумагам нам друг, как Китай.

Интересует их очень много: социально-политическая обстановка в стране, расположение воинских частей, конечно же какие-то закрытые экономические тенденции, новые проекты, которые планируется реализовать, источники финансирования этих проектов, разработка новых месторождений, все, что касается экономического блока, освоение Арктики в каком направлении будет. Понятно, конечно, новейшие научно-технические разработки.

Может, даже уровень загрязнения воды или грязи у какой-нибудь атомной электростанции или воинской части. Раньше было, водичку набрал возле какой-то ракетной части, землицы накопал — вот это уже сбор в принципе. Информация не обязательно должна быть секретной. В статье (276 УК, шпионаж — МЗ) написано «и иных сведений».

При этом нельзя голословно сказать: «Вот ты шпион, все». Есть ряд признаков, потом эти признаки нужно подтвердить, если они системные, не случайные, неоднократно повторяющиеся и в комплексе взаимодействуют. Один, второй и третий — это может более достоверно говорить о том, что этот человек имеет отношение к иностранным спецслужбам. А дальше в ход идут технические мероприятия, оперативно-розыскные мероприятия, которые позволяют закрепить и создать доказательную базу.

При этом настоящего шпиона очень трудно привлечь к уголовной ответственности. В основном проколы случаются во время передачи секретных данных или тайниковой операции. Но часто люди это очень осторожные и настолько аккуратно все делают, что

зацепить их и потащить в суд вариантов нет — проще выдворить, чтобы пресечь деятельность.

Но вместо них наверняка приезжал другой. Это постоянно, постоянно, постоянно. Одного победил — приехал другой, и ты даже не знаешь, кто может приехать. Полгода, год. Ну, ага, понятно, кто приехал. Вот такой-то. Берешь и начинаешь работать по нему. Это обычная рутинная работа.

Дело ученого Кудрявцева

Эта статья, 275-я (госизмена — МЗ), не предусматривает «не знал, не думал» — у нас этого УК вообще не предусматривает. Наверняка, раз есть дело, значит, эти письма реально содержали какую-то секретную информацию. Занимая должность в проектном институте, который занимается разработкой новейших систем вооружения для ВПК, для спецслужб, надо думать головой, кому ты и что отправляешь.

Виктор Кудрявцев — 75-летний сотрудник Центрального научно-исследовательского института машиностроения (ЦНИИмаш), обвиняемый в госизмене (статья 275 УК).

По словам адвоката, ФСБ считает, что ученый переслал коллегам из бельгийского Фон Кармановского института гидродинамики информацию, которую можно использовать для создания нового оружия. Кудрявцев отрицает вину и настаивает, что не имел доступа к секретным документам более 20 лет. По словам защитников,

состояние здоровья ученого, находящегося в СИЗО с прошлого лета, постоянно ухудшается. 13 мая его госпитализировали.

На этом заводе наверняка есть секретная часть, наверняка там у половины разработчиков допуска, все они проходили спецпроверку, всем по сто раз объясняли, что можно, что нельзя, что этот завод выступает потенциальным объектом интереса иностранных спецслужб и организаций. У них на этом предприятии наверняка есть прикомандированный сотрудник ФСБ в ранге зама или начальника службы безопасности, которого все прекрасно знают. Не может он не знать и не предполагать, должен был.

Если в чем-то сомневаешься — зайди в соседний кабинет к сотруднику, прикомандированному от местного управления ФСБ, который специально там для этого сидит, и спроси у него: «Я хочу тут вступить в переписку с иностранной организацией». Сотрудники оборонных заводов вообще как от огня должны шарахаться даже от иностранных граждан. Даже в быту. Потому что подход может быть осуществлен просто от соседа. И ты не будешь знать. Будешь думать, что это просто бытовой контакт, а это, может быть, вербовочный подход.

Все это никак не обеляет или не освобождает дедушку от ответственности. Должен был понимать, что он не на конфетной фабрике работает, а на серьезном заводе и к этому заводу устремлены многие взоры, что за это бывает очень серьезное наказание. Здесь на кону стоит военная безопасность. Один листик с

каким-то чертежом может перечеркнуть десять лет работы, миллиарды рублей, вложенных в разработку, если эта разработка куда-то там утечет налево. Если ты не подумал, что что-то может навредить твоей стране и сделал это, ну, надо проверять, может, дедушка уже невменяемый, и освободить его от уголовной ответственности.

За такими делами стоит глубокая разработка. Во-первых, работа по 275-й и 276-й проходит под особым контролем центра, службы контрразведки. Просто так развить уголовное дело, не имея ничего в кармане — невозможно. Эта статья очень сложно доказывается и нужно очень серьезно закрепитесь материалами, там на показаниях выехать не получится, там нужно доказывать по-другому.

Следовательно что-то должен принести в суд. Что он принесет? Он принесет то, что ему принес опер. А опер должен понимать, что с чем попало ему не дадут дело сделать: его начальник, один, второй, третий, вот вся цепочка до начальника управления это прочитает и скажет: «Ты че, дурак?». Просто мы не все знаем. Разработка оперативная, она на то и разработка, чтобы никто не знал, что в рамках ее проводилось. Это не для общественности. Это даже не для следователя. Следователь — что принесли и рассекретили, то он и видит, а что за этим стоит, он и не знает. Это не его уровень. Он знает лишь кусочек, всего-то 1%, что ему дали прочитать, а оперативник — он знает, конечно, все. И если он понимает, что человек невиновен и у него нет материала, доказывающего вину, по этим статьям... Палка по 275-й из ничего? Ну, нет.

«Низкий уровень доступа к секретным данным», [о котором говорят родные Кудрявцева]. Что это значит? Я не понимаю. Есть доступ к секретным сведениям? Все, он есть. Причем я же говорю, что, на самом деле-то 275-я статья не предусматривает передачу, разглашение только секретных данных. Ты можешь передать абсолютно, казалось бы, безвредную информацию [иностранному] спецслужбам в ущерб безопасности [России]. Не знаю, образцы земли возле воинских частей. Что это? Секретно? Три коробка с песком. Является гостайной земля возле воинских частей? С точки зрения здравого смысла, нет. А с точки зрения состава преступления — да. Понимаете?

Так что при всех исходных данных, если он там занимал должность и передал что-то, представляющее интересы иностранного государства. Тогда удивляться нечему. Получил то, что получил. И получит еще. Дедушка старый? Да хоть сто лет ему будет. У нас нет верхнего предела уголовной ответственности. Единственное, что срок, который он получит — а он его получит — для него станет пожизненным. Если нижний порог 12 лет, ну, может быть, там ниже низшего, то в любом случае десять, может, восемь. Но для него это пожизненно.

Иллюстрация: Наталья Гаврилова / Медиазона

Служба на Кавказе

В Ингушетии с 2007 года сотрудники боялись форму надевать, несли ее в сумках, переодевались на работе. Вечером, как только темнело, на постах ДПС не было ни одного человека. Через день сводка оперативная о происшествиях — такой свиток

был, рулон метр шириной, факсом приходил: кого обстреляли, кого убили, кого подорвали, кому гранату во двор закинули. Это был «регион со сложной оперативной обстановкой».

Нельзя сказать, что работа органов влияет на радикализацию местного населения. Радикализацию вызывает социально-экономическая обстановка в регионе. Да, где-то есть кровные законы, кровная месть. Если у человека брата убили, то он с какой-то долей вероятности уйдет тоже в лес. А если в отношении тебя применили насилие, и ты потом идешь в лес... Ну, сложно понять. А зачем к тебе применяли насилие? Как ты попал в поле зрения? Применяли ли его? Сложная такая сфера. Однозначно нельзя сказать. Может быть, там где-то возможно излишнее применение насилия при задержании. Ну, я бы не сказал, что это прямо так раскручивает маховик нестабильности.

В первую очередь на население влияют проповедники, которые осуществляют вербовку и промывание мозгов. Начиналось с чего — все ходят в мечети. Потом что проще всего сделать? Отправить на учебу в Саудовскую Аравию, в Египет имама мечети. Вот они там спустя время вернулись эти имамы и начали рассказывать, как надо жить. Молодежь послушала — ага. Ну, и вот итог.

Почему молодежь уходила в лес? Потому что в регионе 99% безработные. Все упирается в деньги и в экономику. Если целые поколения оказались никому не нужны, потому что им негде работать, негде учиться и нет денег, то вот альтернатива — пойти в лес. Там накормят, там классно, там

можно пофоткаться с автоматом, пострелять. Когда людям нечего делать, от безделья они начинают принимать не всегда адекватные решения. Поэтому нельзя полностью винить местное население, они просто оказались в таком положении.

Кто-то баранов пасет, у кого-то частный магазин. Но где заводы, где производство? Ну, школа, хорошо, госорганы какие-то. А что еще-то там есть? Завод «Ачалуки», который минералку разливает? Все. Вот сидят восемнадцатилетние два парня, лузгают семечки. Через забор лес начинается. Что им делать? Там хоть какое-то общение, движение. Раньше платили за это. Вот и все.

В Чечне деятельность [террористическая] была практически пресечена из-за десятилетней плотной работы на этой территории и перестроек менталитета местного населения. Поэтому боевикам нужно было куда-то переселяться. Сперва загорелась Ингушетия. Потом они перенесли свою активность в Дагестан и Кабарду.

Просто если в Чечне человек видел, что неизвестные люди с бородами завозят оружие ящиками в соседний дом, то тут же звонил кадыровцам. Тут же проводилось мероприятие, всех нейтрализовывали, пресекали на корню. В Ингушетии такого не было — запахло было контактировать с сотрудниками, сообщать какую-то информацию. Своя рубаха ближе к телу. Там тащит кто-то бородатый мешок из леса к себе домой. Ну, пусть тащит. Меня же это не касается. Поэтому пособничество террористической активности процветало до 2013 года. Скрывали все в домах, кормили, таскали им продукты в лес. Видели,

что происходит в соседнем доме и не говорили об этом.

Но потом они просто поняли, что ты, например, сидишь в своем доме и не говоришь о том, что к твоему соседу бандиты приезжали, а потом в один момент утром придет ФСБ на бэтээрах, да. И из соседнего дома будут стрелять, а потом дом взорвется, потому что в подвале этого дома самодельное взрывное устройство с поражающими элементами. Если тот дом улетит вместе с крышей, то и твой пострадает от взрыва. Кто-то задумался, кто-то нет. Ну, за пять лет их победили, можно сказать.

Сейчас там относительно спокойно. Бывают изредка всплески, но это, скорее, исключение из правил. Я не говорю про Дагестан — там в диких отдаленных селах такое будет еще долго. Но сейчас в Чечне и Ингушетии, может быть, бегают по лесам небольшие группки, сами себя боятся. Мы называли «военный туризм». В лагере «Зарница» сами там с собой играют. Они уже были неспособны на какие-то громкие акты, у них уже не было ресурсов, денег. Они боялись каждого шороха, что ФСБ придет и всех их прикончит.

Нельзя сказать, что спокойствие в полной мере было достигнуто силовым путем. Часть потенциальных боевиков уехала в Сирию, и проблема решилась сама собой. То есть когда ученые ваххабитского толка стали говорить, что про джихад в Сирии писали в священных книгах, и это шаг к всемирному халифату, многие вышли из леса — кто-то бороду сбрил, кто еще в розыске не был, кто-то по поддельным документам, кто-то нелегально границу пересек.

Просто они увидели разницу. Здесь максимум, что они могли себе позволить — это сидеть всю зиму на своих блиндажах, на базах далеко-далеко в горах и дрожать от каждого звука. Ну и что? Сидеть есть черемшу? Ждать очередного пособника, который в рюкзаке принесет им еды какой-то? А там война, там классно. Там джихад, деньги, государство, к которому они изначально стремились.

Они увидели, что их борьба в Чечне и в Ингушетии ни к чему не приведет. Нереально победить Россию, объективно. Группка из 15-20 человек уже считалась большой, банда. Ну что она может? Ну, обстреляли колонну, ну, подбили БТР. Но в масштабе страны — это тьфу, капля в море. К тому же никакое отделение Чечни от России никого уже сто тысяч лет не интересовало. Когда «Имарат Кавказ» объявили о создании, приоритеты переменились, то есть это уже была не борьба за свободу, как многие там хотели и позиционировали себя в начале.

У них был выбор, либо остаться здесь и продолжить свою полупсевдоборьбу непонятную, и сегодня-завтра бы все равно к ним пришла спецслужба. Естественно, в лесу с ними никто бы не

стал разговаривать и выяснять, а почему они там с автоматами. У них был второй вариант — уехать. Они уехали, и леса опустели.

Ингушский Центр «Э»

Они очень грубо работали. Это вызывает отторжение. Взаимодействовать мы с ним взаимодействовали, где-то они информацию какую-то принесли. Мы с ними не очень плотно работали, потому что у них свои методы, которые мы не особо разделяли, причем до самых верхов не разделяли, не только опера, но и руководство. Вот их начальник, Хамхоев Тимур и несколько его оперов — как раз пакет на голову, электричество, все это в судебном решении. Все их методы.

Дело Центра «Э» в Ингушетии

Летом 2018 год Нальчикский гарнизонный военный суд вынес приговор по делу экс-начальника ингушского Центра по противодействию экстремизму Тимура Хамхоева, пяти его коллег-полицейских и одного сотрудника ФСБ. Они получили сроки от трех до десяти лет. Хамхоева и его подельников в зависимости от роли каждого обвиняли в превышении полномочий с применением насилия, убийстве, вымогательстве, использовании поддельных документов и грабеже. Один из потерпевших, Магомед Долиев, погиб во время истязаний в ЦПЭ. Никто из осужденных по делу вину не признал.

Почему так? Не умеют, наверное. Как-то повелось у них вот так, кто-то поставил их в определенные условия, и они в этих условиях научились так работать. ФСБ их не учили, они там сами по себе. Мы, наоборот, от них подальше-подальше, потому что у нас свое направление.

Человек, который во главе этого стоял какое-то время, вот он такой. И суд это сейчас установил. Вы знаете ситуацию? Там сотрудник ингушского управления, молодой, младший лейтенант или лейтенант, он с Хамхоевыми еще сотрудником ЦПЭ у азербайджанца машину отжали и сказали «еще нам денег принесешь». Он побежал в УСБ и их всех приняли. Начали потом раскручивать, кто же такой Тимур Хамхоев и что же такое ЦПЭ, и начали выяснять, что вот они пытали людей током, одевали пакеты на голову, душили.

«Неприятные отношения к нашему отделу полреспублики имело» Репортаж из суда по пыточному делу ингушского Центра «Э»

Потому что преступление было просто тупое, реально как гоп-стоп какой-то, непродуманное, спонтанное абсолютно. Они никак себя не прикрыли, не обезопасили. Просто по-наглому решили срубить денег. Ну, глупо, потому что это глупые люди. Они рассчитывали на страх, что человек побоится, а он не побоялся. Вот и все.

Вымогательство им не простили бы. Потому что реализовывал дело отдел собственной безопасности в отношении сотрудника [ФСБ]. [Сотрудники ЦПЭ] шли прицепом. Никак бы они не соскочили. Здесь просто отягчающее обстоятельство в виде трупа к другому сопутствующему делу.

«Сеть» и «Новое величие»

Я вообще дела «Сети» и «Нового величия» не воспринимаю всерьез. Знаете, какое-то неприятное у меня отношение к этому, осадок. К терроризму это не имеет никакого отношения. Это что-то такое, знаете... перегиб, не знаю. Я бы, конечно, в том виде, в каком оно выразилось, не стал бы это делать. Но это мое мнение.

Иллюстрация: Наталья Гаврилова / Медиазона

Внедренный агент — он выполняет определенные задачи: узнать, контролировать, не допустить в том числе, совершения преступления. Провокация — она в законе прописана, если все оперативный источник спровоцировал, по идее, это должно развалиться в суде. Только как вы докажете, что это была

провокация с их стороны? Никак не докажете без расшифровки источника, если он действительно источник, невозможно такое. А никто его раскрывать не будет. Основа конфиденциального сотрудничества в том, что государство в лице субъекта ОРД берет на себя ответственность и обязанность хранить в тайне личные данные и вообще факт сотрудничества. Вы в тупике. Здесь закон о гостайне его защищает полностью.

Соответственно, без достоверно установленного факта, что человек сотрудничал с силовиками, развалить это дело нереально. Адвокаты, понятно, могут иметь свою позицию, показывать свою работу, что, вот, мы считаем, это провокация. Но адвокаты лукавят, они прекрасно понимают [разницу между тем], что они говорят и что реально они смогут сделать.

Пока действующая система функционирует, [этого внедренного агента] никогда на съедение не отдадут. Тогда посыплется цепочка: вот отдадут источник, а кто источнику дал команду? Источнику дал команду опер, а оперу разрешил начальник отдела, а начальник отдела подчиняется кому — начальнику управления. На этом основывается вся система агентурной работы, если одного отдадут на откуп, скажут, да, сотрудник, да, он спровоцировал.

Как дальше-то с людьми общаться? Как привлекать к сотрудничеству? Тогда каждый скажет, пф, да вы чего, ребят, я вам сейчас помогу, а вы завтра сольете? Поэтому здесь заведомо тупиковое направление в защите. Понятно, что это их позиция, им надо что-то

говорить, какую-то хотя бы позицию иметь, но нет, не выгорит. Можете запомнить, потом проверить.

По моему мнению, если мы принимаем за исходные данные информацию, что этот человек является конфиденциальным источником органов безопасности, пришел и провокационным образом создал организацию, а потом всех сдал — то, да, он перешел грань. Это недопустимая форма работы. Нельзя так делать. Закон и какие-то моральные принципы. При таких исходных данных, да, конечно, перешел.

Отношение общества к ФСБ

Не согласен, что сейчас есть какое-то массовое недовольство ФСБ. Недовольство какой-то малой горсти людей по сравнению с общей массой населения — это очень мало. Всегда есть недовольные. Сегодня недовольны ФСБ, завтра будут недовольны чем-то еще. Я, по крайней мере, не вижу, чтобы на каждом углу плевали в сторону Лубянской площади. Чтобы нарастали какие-то ответные действия.

Взрыв в архангельском ФСБ

В ноябре 2018 года 17-летний студент колледжа Михаил Жлобицкий [взорвал](#) самодельное взрывное устройство в приемной архангельского управления ФСБ. При взрыве пострадали трое силовиков, сам Жлобицкий погиб. Перед нападением в открытом чате анархистов появилось предупреждение о теракте. Автор

сообщения писал, что ФСБ «фабрикует дела и пытается людей». СК возбудил дело о теракте (статья 205 УК). Позже против двух анархистов, которые, по версии следствия, называли Жлобицкого героем, возбудили дела об оправдании терроризма в интернете (часть 2 статьи 205.2 УК).

Дурачок со слабой психикой пошел, себя взорвал. Ну, о чем это говорит? Что не все было в порядке с головой.

Ни один вменяемый человек никогда не совершит самоубийство. Значит, у него уже проблемы психики. Зачем это связывать с каким-то там перегибами? Это подтасовка фактов называется. «Ай-яй-яй, у нас все плохо, один бедный мальчик, он так на это отреагировал, а ФСБ злодеи».

Может, я, конечно, просто невнимательно смотрю, но я не ощущаю в обществе глобального негатива. Сотня, может, где-то ощутила. Но если ты говоришь, да, правильно, в это управление я бы тоже вошел и взорвал — готовься, что к тебе тоже придут в шесть утра люди в масках. К кому приходят? Вот ко мне не приходят почему-то, к моим друзьям не приходят. Я бы задался вопросом: «А к кому пришли?». Может быть, они что-то сделали, чего делать, может быть, не стоило?

Редактор: Егор Сковорода